

Максимовский Марш

Рудольфъ фонъ Герингъ. 6

ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВЕННЫЯ ОСНОВЫ ЭТИКИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
В. М. ГЕССЕНА.

ЦѢНА 20 КОП.

Изданіе I. Юровскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Брауде, Пантелеймонская улица, № 21.

1896.

Русская Библиотека.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

- № 1. Изъ психологіи народовъ. — Проф. И. И. Янжула
Цѣна 20 коп.
- № 2. Поэзія міровой скорби.—Проф. Н. И. Стороженко. Ц. 15 к.
- № 3. Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи — Проф. Н. Карѣева. Цѣна 20 коп.
- № 4. Война или миръ? — Гр. Л. Камаровскаго — Цѣна 15 коп.
- № 5. Криминальная антропологія.—Проф. В. Чижя.—Цѣна 20 к.
- № 6. Любовь и счастье въ произведеніяхъ Пушкина.—С. Южакова.
Цѣна 20 коп.
- № 7. Что такое общее образованіе? Съ приложеніемъ статьи и
«О желательномъ отношеніи молодежи къ наукѣ»—Проф.
Н. Карѣева.—Цѣна 20 коп.
- № 8. Языкъ и искусство. Къ психологіи художественнаго творчества.—
Проф. Овсянко-Куликовскаго. — Цѣна 20 коп.
- № 9. Вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ область про-
мышленности.—Проф. И. И. Янжула.—Цѣна 15 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

А. Миклашевскій. — Рабочій вопросъ и социальное законо-
дательство въ Германіи

С К Л А Д Ъ:

С.-Петербургъ, Пушкинская, 18.

II-36753р.

б. м.

Резерв

8.28

13

Рудольфъ фонъ Герингъ.

ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВЕННЫЯ ОСНОВЫ ЭТИКИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

В. М. ГЕССЕНА.

Издание I. Юровскаго.

БИБЛИОТЕКА

О-ва для достав. средствъ

В. Ж. КУРСАМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Брауде, Пантелеймонская улица, № 21.

1896.

3233 / б. м.

Рудольф фон Гербинг

ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВЕННЫЯ ОСНОВЫ

СТАНК.

Дозволено цензурою. Одесса, Января 15 дня 1896 г.

Издатель: И. Юрскант.

С.-ПЕТЕРБУРГ.

Издательство Бразда, Николаевская улица, № 21.

1896.

Историко-общественныя основы этики *).

Втеченіи тысячелѣтій, со временъ греческихъ философовъ и вплоть до настоящаго времени, наука пытается обосновать природу нравственнаго, и можно было-бы ожидать, что изъ всѣхъ задачъ, по крайней мѣрѣ, эта давнымъ давно рѣшена; ибо мораль не находится, подобно солнцу, мѣсяцу, или звѣздамъ, вдали отъ человѣка; для ея познанія не требуются искусственныя приспособленія и аппараты; она охватываетъ человѣка со всѣхъ сторонъ, подобно атмосферѣ, въ которой онъ живетъ и которою дышетъ; казалось-бы, ему достаточно открыть глаза, чтобы познать эту часть его міра. И однако, старая истина, которой учитъ насъ опытъ, что иногда самое близкое познается наиболѣе поздно и съ наибольшимъ трудомъ, находитъ здѣсь новое подтвержденіе. Человѣкъ скорѣе познаетъ все то, что находится внѣ

*) Настоящій очеркъ, представляющій догматическое изложеніе взглядовъ автора, подробно развитыхъ во 2-мъ томѣ его сочиненія: «Цѣль въ правѣ», первоначально появился въ журналѣ Шмоллера. „Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft“, 1882. I, а затѣмъ перепечатанъ былъ во 2-мъ томѣ „Цѣли въ правѣ“, какъ введеніе и программа его.

его, чѣмъ себя самого, — изъ всѣхъ загадокъ, поставленныхъ ему природой, самая трудная — онъ самъ.

Нѣтъ той области человѣческаго знанія, въ которой по сію пору мнѣнія были бы такъ противоположны, какъ въ области этики, и не столько, впрочемъ, мнѣнія — ибо о частностяхъ: объ отдѣльныхъ добродѣтеляхъ, объ обязанностяхъ и т. д., вообще о содержаніи этики, въ сущности, споровъ не существуетъ — сколько основные воззрѣнія, исходные и конечные моменты, общая конструкція и обоснованіе этики. Если бы мы захотѣли сравнить различные труды по этому вопросу, въ особенности нѣмцевъ и англичанъ, какъ напри- мѣръ, изъ прежнихъ Канта и Шлейермахера съ одной стороны и Бентама съ другой, изъ новѣйшихъ Гартмана и Герберта Спенсера, мы съ трудомъ повѣрили бы, что всѣ эти произведенія выросли на одной и той же научной почвѣ.

Если бы я былъ въ состояніи примкнуть къ одному изъ существующихъ уже воззрѣній, я охотно не сталъ бы касаться вопроса, который лежитъ внѣ моихъ специальныхъ познаній и который прежде я старался осторожно обходить. Но обойти его теперь, при изученіи вопроса о дѣли въ правѣ, мнѣ казалось невозможнымъ. Я долженъ былъ высказаться о природѣ нравственнаго и, такъ какъ рѣшенія вопроса, предложенныя другими, меня не удовлетворили, то я и оказался вынужденнымъ самостоятельно приступить къ его разсмотрѣнію. Субъективно я твердо убѣжденъ въ правильности полученныхъ результатовъ. Втеченіи многихъ лѣтъ я провѣрялъ ихъ и опытомъ повседневной жизни, и фактами исторіи, и мнѣніями другихъ, — и они выдержали

пробу; ни разу я не могъ усумниться въ нихъ. Мало того: найденное мною рѣшеніе для меня оказалось свѣточемъ, распространяющимъ постоянно новый свѣтъ, открывающимъ новыя истины, которыхъ я самъ не предвидѣлъ; и если можетъ служить критеріемъ правды научная глубина и содержательность общаго воззрѣнія, благодаря которымъ изъ него, какъ изъ живого, неисчерпаемаго источника, постоянно вытекаютъ новыя и новыя истины, — въ такомъ случаѣ я могу надѣяться, что мною найдена истина. Я познакомлю читателя съ планомъ и ходомъ моихъ изысканій относительно морали.

Въ основаніи ихъ лежитъ разграниченіе двухъ сторонъ нравственнаго: *объективно* и *субъективно нравственнаго*. Подъ первымъ я понимаю нравственные *нормы*, *объективный* нравственный порядокъ; подъ вторымъ — *практическое* отношеніе субъекта къ этимъ нормамъ: субъективную нравственную *волю*, нравственное *настроеніе*.

Предметомъ научнаго разсмотрѣнія первой стороны являются два вопроса: во первыхъ, о *происхожденіи*, или *источникѣ* нравственныхъ нормъ — откуда берутся онѣ? — и во вторыхъ, о цѣли ихъ — къ чему стремятся онѣ? Вторая сторона совпадаетъ съ вопросомъ о субъективномъ *мотивѣ* нравственной *воли* — что побуждаетъ волю *смысловать* нравственнымъ нормамъ?

Три вопроса, полученныхъ такимъ образомъ, могутъ быть названы тремя основными, *кардинальными* вопросами *этики*; они служатъ для нея тѣмъ же, чѣмъ для треугольника служатъ три данныхъ, опредѣляющихъ его, линіи. Тотъ, кто точно отвѣтилъ на эти вопросы, выяснилъ тѣмъ самымъ свое отношеніе къ основнымъ проблемамъ *этики*; ибо они

т. е. эти вопросы, образуютъ тригонометрическую триаду этики, на основаніи которой можетъ быть вычислено все остальное. Тотъ, кто хочетъ уяснить и себѣ, и другимъ свое отношеніе къ этимъ проблемамъ, прежде всего долженъ отвѣтить на упомянутые вопросы; пока онъ этого не сдѣлалъ, треугольникъ еще не построенъ. Отдѣльные пункты, которымъ обыкновенно приписывается рѣшающее значеніе, какъ, напримѣръ, извѣстная триада этическихъ благъ, добродѣтелей и обязанностей (Шлейермахеръ), еще не достигаютъ цѣли; для этики они значатъ не больше, чѣмъ три угла для треугольника: не смотря на то, что они даны, стороны остаются все-таки неизвѣстными.

Избравъ исходнымъ пунктомъ и основаніемъ всего моего изслѣдованія нравственныя *нормы*, я долженъ оправдать этотъ выборъ; ибо меня легко могутъ обвинить въ возвращеніи къ пріемамъ, давно оставленнымъ наукой, — въ возвращеніи къ катехизму.

Исходя изъ основаній, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, юриспруденція замѣнила первоначальную форму, въ которой исторически является право — *императивную* форму приказа и запрета — другою формой, формой *понятія*; точно такъ-же постушила и этика съ нравственными императивами: *повеленіе*, *норма* смѣняются описаніемъ, *понятіемъ* (нравственнаго блага, добродѣтели, обязанности, нравственнаго человѣка); нормы теряютъ императивную форму и обращаются въ моменты понятія. Все изложеніе получаетъ, такимъ образомъ, характеръ описанія духовнаго міра, къ которому наука относится совершенно такъ-же, какъ естествоиспытатель къ природѣ: она не указываетъ, что

должно быть, что люди *должны* дѣлать, она только описываетъ, что есть, она рисуетъ съ натуры. Предметомъ изображенія для этики служитъ типъ нравственнаго человѣка, идеальный образъ его. *Въ немъ* находитъ она содержаніе нравственнаго, но не въ видѣ нормы, которая ставится ему *извне*, а въ видѣ разумно-необходимаго вывода изъ *внутренней* его *сущности*, въ видѣ эманации его *собственной нравственной природы*. Всякое „обязываніе“—излишне: то, что *должно быть*, и то, что *есть*—одно и тоже.

Я не хочу отрицать тѣхъ преимуществъ въ эстетическомъ отношеніи, которыми описательная форма изложенія высоко отличается отъ императивной; я не оспариваю научной допустимости ея, какъ формы *изложенія*. Но слѣдуетъ отличать изложеніе отъ *ислѣдованія, изысканія*, для правильности послѣдняго, по моему мнѣнію, необходимо возвращеніе къ естественной и первоначальной формѣ императива. Какъ *исключительная* форма *ислѣдованія* морали, описательная форма заключаетъ въ себѣ для этики опасность, которую я не разъ замѣчалъ, занимаясь юриспруденціей, и по своему, и по чужому опыту,—а именно, опасность, изъ-за *понятія* не увидѣть, оставить безъ вниманія *цѣль*. Описывая понятіе, невольно обходишь вопросъ о *цѣли*. Оно стоитъ предъ глазами, подобно предметамъ видимой природы, какъ самодовлѣющая, самоцѣльная сущность. Къ чему же спрашивать о его правѣ на существованіе? Оно дано вмѣстѣ съ нимъ: самый фактъ его бытія упраздняетъ вопросъ о его *цѣлесообразности*. Наоборотъ, при императивахъ каждый мыслящій человѣкъ, прежде всего, спроситъ о *цѣли*, и этотъ вопросъ приведетъ его непременно къ самой сути предмета, потому что суть всякаго практическаго

предмета заключается въ его цѣли. Описательная-же форма отклоняетъ его отъ вопроса о цѣли и вовлекаетъ въ область ложной діалектики; благодаря ей, онъ начинаетъ вѣрить, что можетъ познать истину при помощи чисто *формальных* операций (выводъ, конструкція, спекуляція), что его задача требуетъ отъ него такихъ-же приемовъ, какіе требуются отъ естествоиспытателя при изученіи явленій природы: точнаго, свободнаго отъ предвзятости, отношенія къ объекту, примѣненія естественно-историческаго метода къ духовному міру.

Поэтому въ своемъ изслѣдованіи я сознательно и намеренно возвращаюсь къ формѣ императива, — т. е. къ *нравственной нормѣ*. Впослѣдствіи станетъ яснымъ, препятствуетъ-ли или, наоборотъ, способствуетъ познанію истины это кажущееся возвращеніе къ формѣ, которую принято считать давно отвергнутой наукой.

И еще въ другомъ отношеніи мое изложеніе имѣетъ видъ научнаго регресса. Источникъ нравственнаго императива оно усматриваетъ не въ самомъ индивидѣ, а въ обществѣ; нормы поведения индивида привходятъ къ нему *извне*. Но въ такомъ случаѣ, повидимому, мое изложеніе заслуживаетъ упрека въ *гетерономіи* моральнаго принципа, что равносильно его ненаучности. Истинный моральный принципъ, согласно требованіямъ новой, напр., Гартмановской этики, долженъ быть *автономнымъ*: этика должна его выяснить индивиду, какъ его-же собственный законъ.

И я, въ концѣ концовъ, прихожу къ тому результату, что индивидъ долженъ носить нравственное въ самомъ себѣ, какъ свой собственный законъ, и что, поступая нравственно, онъ только

остаётся вѣрнымъ самому себѣ (ethische Selbstbehauptung); но я *прихожу* къ этому результату, а не *исхожу* изъ него. Исторически нормы нравственности добыты были не индивидомъ, а обществомъ, и *практическое* значеніе ихъ заключается въ томъ, что общество *требуетъ* ихъ соблюденія отъ индивида. Преодолѣніе этой противоположности внѣшняго и внутренняго, полное сліяніе индивида съ нравственнымъ закономъ, его автономія, говоря короче, — есть послѣдняя, высшая форма, которую принимаетъ нравственный законъ. И тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать дѣйствительности, нельзя умалчивать о томъ фактѣ, что нравственныя нормы были возложены на индивида *извне*, какъ *вѣстие*, — и, именно, какъ *вѣстие общества*. Индивиду *слѣдуетъ* знать, онъ *обязанъ* знать, что онъ зависитъ отъ общества, что *отъ него* онъ получаетъ свой законъ. Всякая теорія, допускающая противоположное, принимаетъ конецъ за начало. Индивидъ есть часть цѣлаго, а часть получаетъ законъ свой отъ цѣлаго, и какую бы тѣсную связь, какое бы сліяніе между собою и обществомъ не чувствовалъ индивидъ, все-таки общество, а не кто-другой, диктуетъ ему нормы его нравственнаго поведенія. Въ противоположность нездоровой теоріи, которая, подобно пѣнію сиренъ, старается обольстить индивида указаніемъ на его нравственную самодержавность, я считаю необходимымъ громко сказать ему голую неприкрашенную правду: ты — только часть цѣлаго, отъ котораго ты получаешь свои законы; усвой ихъ себѣ такимъ образомъ, чтобы внѣшній законъ сталъ твоимъ собственнымъ и внѣшняя необходимость превратилась во внутреннюю свободу, но и тогда не предавайся безмысленнымъ надеждамъ, будто узда, которой ты

субъективно не чувствуешь, объективно не существуетъ.

Итакъ, я возвращаюсь къ нравственнымъ нормамъ, какъ исходному пункту всего моего изслѣдованія, и опять ставлю оба прежнихъ вопроса, чтобы уяснить свое отношеніе къ нимъ.

Первымъ вопросомъ является *вопросъ о происхожденіи* морали. Для меня лично онъ былъ *вторымъ*, ибо сначала я обратилъ вниманіе на вопросъ о *цѣли*; этотъ порядокъ я удерживаю и въ нижеслѣдующемъ.

Итакъ, относительно вопроса о цѣли я пришелъ къ тому результату, что всѣ нравственныя нормы въ широкомъ смыслѣ слова (право, мораль, правила общежитія) имѣютъ въ виду исключительно благо и преуспѣяніе общества; что общество, какъ я выразился въ первомъ томѣ моей „Цѣли въ правѣ“ (стр. 454 и сл.), является цѣлевымъ субъектомъ морали. *Нравственное и общественное—одно и то же*; то, что называется *нравственнымъ*, мы всегда, вмѣсто этого, можемъ назвать и *общественнымъ*. Всякая нравственная норма—не что иное, какъ *общественный императивъ*.

По моему, рѣшающее значеніе при выборѣ между индивидомъ и обществомъ, какъ возможными субъектами морали, имѣетъ слѣдующій фактъ. Еслибы индивидъ являлся цѣлевымъ субъектомъ морали, въ такомъ случаѣ нравственные нормы такъ были бы устроены, что при ихъ помощи онъ осуществлѣть-бы свои чисто-приватныя жизненныя цѣли гораздо легче, чѣмъ безъ нихъ. Если-же цѣлевымъ субъектомъ является общество, очевидно нормы, по содержанию своему, должны содѣйствовать упроченію и благополучію общества. Но, говоря вообще,

цѣлое не можетъ себя чувствовать хорошо, когда страдаютъ части. Общество, какъ цѣловый субъектъ морали, охватываетъ собою также и индивида, какъ цѣлеваго субъекта, но не обратно, ибо въ цѣломъ заключается часть, а не въ части цѣлое.

Если индивидъ является цѣловымъ субъектомъ морали, въ такомъ случаѣ нравственныя нормы, выводимыя изъ абстрактнаго понятія индивида, изъ идеальнаго типа моральнаго человѣка, для всѣхъ должны быть одинаковы; такимъ образомъ исключается возможность вліянія на нравственный законъ общественнаго момента, какъ на примѣръ, раздѣленія общества на классы и различнаго положенія ихъ. А между тѣмъ, нравственный законъ предписываетъ одному индивиду одну, другому — другую обязанность; во время войны онъ говоритъ на одномъ языкѣ, во время мира — на другомъ.

Если цѣловымъ субъектомъ является индивидъ, то на вопросъ: почему я долженъ поступать морально? мы отвѣтимъ ему: ради себя самаго; если же такимъ субъектомъ является общество, мы отвѣтимъ: ради него. Въ первомъ случаѣ, цѣлью всякой нравственной нормы является благополучіе, счастье индивида. А между тѣмъ мы знаемъ, что нравственный законъ требуетъ ограниченія нашихъ естественныхъ стремленій и желаній, что упомянутой цѣлью, или личнымъ самоусовершенствованіемъ можно, пожалуй, объяснять обязанности человѣка по отношенію къ самому себѣ, но другихъ обязанностей и добродѣтелей объяснить нельзя.

Если мы станемъ на ту точку зрѣнія, что цѣлью всякой нравственной нормы является существованіе и благоденствіе общества, то тѣмъ самымъ мы нисколько не исключаемъ благополучія индивида, какъ

цѣли ея. Но только такимъ путемъ можемъ мы прійти къ весьма важному положенію: *общество обязано заботиться о своихъ сочленахъ*. Только общественная теорія указываетъ индивиду высокую жизненную цѣль, придаетъ цѣнность индивидуальному бытію, вводитъ его въ общую жизнь, въ прогрессивный ходъ чело-вѣчества.

Только общественная теорія морали даетъ намъ понятіе объ общественномъ строѣ и объ охранѣ этого строя; только она указываетъ намъ жизненные потребности общества и примѣнимость къ нему инстинкта самосохраненія. Инстинктъ самосохраненія есть неотступный спутникъ всякой жизни, стражъ и блюститель, которому природа вручила заботу о ея поддержаніи. Перенося понятіе жизни на общество, понимая общество какъ личное существо, мы тѣмъ самымъ признаемъ въ немъ инстинктъ самосохраненія. Этотъ инстинктъ проявляется прежде всего въ установленіи нравственнаго порядка; онъ стремится къ созданію жизненныхъ условій, необходимыхъ для общества на данной ступени его развитія. Мораль есть не что иное, какъ высшая форма эгоизма: эгоизмъ общества. Стремленіе къ самосохраненію возвышается до морали, лишь только оно сознаетъ, что индивидуальное самосохраненіе обусловлено общественнымъ. Вотъ тотъ моментъ, когда рождается мораль. Не переходъ отъ *животнаго* къ *человѣку*, какъ полагаетъ индивидуалистическая теорія, является моментомъ, когда моральное начало вступаетъ въ мірозданіе, ибо тогда оно дается какъ *потенціальная*, но еще не *активная* сила,—такимъ моментомъ является переходъ отъ индивида къ обществу. Моральное начало—не дѣло природы, создавшей естественнаго чело-вѣка, потому что послѣдній

не приносить его готовымъ съ собою на свѣтъ; оно—дѣло исторіи, образующей изъ естественнаго человѣка историческаго,—т. е. общественнаго, или моральнаго,—исторіи, которая смѣняетъ природу, чтобы продолжать ея дѣло по ея-же мысли и плану,—т. е. осуществить идею самосохраненія въ примѣненіи къ обществу.

Я постараюсь доказать относительно общественныхъ императивовъ (моды, обычая, морали, права), что всѣ они вызваны къ жизни общественной цѣлью, а затѣмъ сдѣлать шагъ впередъ и выяснить историческую и практическую зависимость всѣхъ нравственныхъ нормъ отъ общественнаго строя.

Чтобы выяснить *историческую* зависимость, я укажу, какъ *параллельно идетъ* развитіе нравственнаго сознанія съ развитіемъ общества, не только *интенсивно*, — т. е. относительно *внутренняго* роста нравственной идеи, но и *экстенсивно*,—т. е. относительно *мнѣ*, относительно распространенія обязательной силы морали съ первоначально тѣснаго круга сородичей на болѣе и болѣе широкіе круги людей (племя, народъ, исповѣданіе, расу, человечество). Чтобы выяснить *фактическую* зависимость нравственныхъ нормъ отъ общества, я укажу, въ какой степени наше современное сознаніе и чувство реагируетъ на группировку общественныхъ классовъ, въ какой степени мы опредѣляемъ обязанность и добродѣтель сообразно съ общественными задачами и положеніемъ индивида,—мало того, въ какой степени, благодаря нашей слабости, общественныя различія въ положеніи лицъ вліяютъ на наше нравственное чувство. (Высшіе, низшіе—соотечественники, чужіе—евреи, христіане—люди бѣлой и черной расы). Такимъ образомъ, я подвергну критикѣ наше

современное нравственное чувство съ точки зрѣнія морали, достигшей конечнаго пункта развитія, — критикѣ, которая равносильна преодолѣнiю всякихъ общественныхъ различій и возвышенiю этики до полнаго практическаго осуществленiя идеи *человѣчности*.

Заключенiемъ изложенной въ такомъ видѣ телеологiи морали является доказательство примѣнимости моральнаго масштаба къ государственной власти. Если дѣлевымъ субъектомъ морали является общество, то очевидно, что государственная власть, какъ представительница его, прежде всего обязана осуществлять и развивать моральныя начала.

Вторую часть теорiи объективно-нравственнаго образуеъ изслѣдованiе объ *источникѣ* его. Дѣло идетъ о вопросѣ: является-ли нравственное чувство дѣломъ *природы*, или дѣломъ *исторiи*, прирожденны-ли основныя нравственныя понятiя человѣку, или-же они составляютъ результатъ историко-общественнаго опыта? Я хочу здѣсь и объ этомъ вопросѣ высказать вкратцѣ свое мнѣнiе.

На вопросъ о происхожденiи нравственнаго чувства теорiя, которая столь-же стара, какъ и научное мышленiе человѣка и которая удержалась со временъ греческихъ философовъ вплоть до настоящаго времени, отвѣчаетъ: нравственное чувство прирождено человѣку; природа, или Богъ вложили его въ человѣческое сердце. Сообразно съ этимъ, я называю эту теорiю теорiей *врожденности* (нативистической теорiей). Защитники ея расходятся между собою лишь въ томъ, что одни изъ нихъ предполагаемый даръ природы ограничиваютъ только формальной познавательной способностью (теорiя *формальной врожденности*, формалистическiй нативизмъ). По-

добно тому какъ человѣкъ долженъ сначала воспользоваться своимъ глазомъ, чтобы получить представленіе о внѣшнемъ мірѣ, точно также и для нравственныхъ представленій необходимо сначала воспользоваться своей познавательной способностью. Второе воззрѣніе (теорія *матеріальной* или *субстанціальной врожденности*, матеріальный или субстанціальный нативизмъ) распространяетъ даръ природы и на содержаніе нравственнаго чувства, такъ что съ ея точки зрѣнія, человѣку на столько врождены основные законы его нравственнаго поведения, насколько логическіе законы его мышленія.

Что касается меня, то я противопоставляю теорію врожденности *историческую* теорію: не *природа*, а *исторія*—создательница нравственнаго, и притомъ не только *основныхъ нравственныхъ положеній* и *идей*, но даже нравственнаго *чувства*, которое является только формой непосредственнаго, безсознательнаго усвоенія этихъ положеній и идей,—мало того, даже нравственной *воли*. Мнѣніе объ историческомъ происхожденіи нашихъ нравственныхъ воззрѣній уже почти двѣсти лѣтъ тому назадъ защищалось Локкомъ въ его извѣстномъ сочиненіи „О человѣческомъ разумѣ“ (1690). Но его открытіе—по моему, гигантскій подвигъ, одно изъ величайшихъ дѣяній человѣческаго духа втеченіе всей міровой исторіи—прошло безслѣдно для позднѣйшей этики и философіи права. вмѣсто фатальнаго упрека: слишкомъ поздно! его постигъ другой, не менѣе фатальный: слишкомъ рано! Даже Кантъ, усвоившій мысли Локка объ историческомъ происхожденіи всѣхъ нашихъ *теоретическихъ* познаній, относительно *практическихъ* истинъ, которымъ будто-бы насъ учитъ прирожденное нравственное чувство, не могъ освободиться отъ

унаслѣдованныхъ представленій, и ученіе о прирожденномъ нравственномъ чувствѣ, — въ формѣ-ли познавательной способности, или какъ совокупности реальныхъ идей, — подѣ тѣмъ или другимъ именемъ, какъ-то: *совѣсть, нравственный инстинктъ, разсудочный инстинктъ, врожденныя идеи, разумъ, естественныя истины, рациональныя истины* и т. д., сохранилось до настоящихъ дней.

Причину безрезультатности открытія Локка я усматриваю лишь въ томъ, что онъ, какъ это и слѣдовало въ интересахъ его непосредственной задачи (критики познавательной способности), ограничился *негативной* стороною вопроса, т. е. доказательствомъ того, что человѣку не врождены его нравственные принципы, но не привелъ *позитивныхъ* указаній, какимъ образомъ и откуда ихъ получаетъ человѣкъ. Я полагаю, что съ этой стороны моментъ цѣли можетъ восполнить его изслѣдованіе.

Въ послѣдовательномъ проведеніи этой мысли я пришелъ къ убѣжденію, что *всѣ*, безъ исключенія, правовыя положенія и институты обязаны своимъ происхожденіемъ практическимъ мотивамъ, что всѣ они являются результатомъ историческаго опыта, что ни одна правовая истина, какъ-бы элементарна и понятна она ни была, не предначертана человѣку его прирожденнымъ правовымъ чувствомъ. Только путемъ опыта позналъ человѣкъ, что онъ не долженъ убивать, грабить, воровать, что иначе невозможно общежитіе; и въ правѣ, какъ во всѣхъ прочихъ вещахъ, человѣкъ сталъ умнѣе только благодаря горькому опыту. Природа снабдила его тѣмъ-же средствомъ для познанія права, какъ и для другихъ отраслей пракческаго знанія: здравымъ смысломъ, чтобы онъ могъ воспользоваться уроками опыта; и подобно

тому, какъ природа не учила его готовить сапоги, платья, дома, корабли, точно также она не учила его создавать тѣ, или другіе, необходимые правовые институты. Однимъ словомъ, право въ такой-же степени историческій продуктъ, какъ и техника—и если природа не вложила въ душу Адама представленія о кухонномъ горшкѣ, о кораблѣ или о паровой машинѣ, то она такъ-же мало вложила представленіе о собственности, бракѣ, государствѣ. Все, сказанное о правѣ, о правовыхъ институтахъ, о правовыхъ истинахъ, вполне примѣнимо также и къ моральнымъ принципамъ, и къ правиламъ общечитія,—однимъ словомъ, ко всему содержанію нашего нравственнаго чувства. Только то обстоятельство, что основныя положенія и истины, добытыя человѣкомъ путемъ безконечно долгаго опыта, внушаются каждому отдѣльному индивиду въ столь раннемъ возрастѣ и въ столь категоричной формѣ, что всякій контроль съ его стороны надъ истинностью воспринимаемаго является невозможнымъ,—только это обстоятельство вызвало мнѣніе о врожденности морали

Созрѣвшее самосознаніе уже находитъ себя въ обладаніи всѣми этими истинами; что-же можетъ быть естественнѣе мнѣнія, что онѣ съ самаго начала были присущи человѣческому духу? Еще не такъ давно медицина и естествознаніе въ различныхъ процессахъ разложенія органическихъ тѣлъ, въ нагноеніи, броженіи, гніеніи, заплесневѣніи и т. д., усматривали явленія, вытекающія самопроизвольно изъ внутренней природы самихъ тѣлъ. А между тѣмъ, наука при помощи микроскопа доказала, что всѣ эти явленія вызываются *извне* посредствомъ привхожденія невидимыхъ нево-

оруженному глазу грибокъ и споръ, наполняющихъ воздухъ.

Совершенно таково-же явленіе, о которомъ идетъ рѣчь въ вопросѣ о нравственномъ чувствѣ. Нравственныя истины, подобно спорамъ, наполняютъ окружающій насъ воздухъ, и мы вдыхаемъ ихъ, не сознавая этого благодаря постепенности и незамѣтности воспріятія.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, мое воззрѣніе на происхожденіе и образовательный процессъ нравственнаго чувства.

Дальнѣйшій ходъ моихъ изслѣдованій приводитъ меня, прежде всего, къ вопросу о *нравственной воли*. Съ понятіемъ воли неразрывно связана реальная сторона морали; безъ воли она—только вымыселъ, представленіе, а не истина, не реальный фактъ; мораль безъ нравственной воли—мечта общества, идеаль того, что *должно быть*, но чего въ дѣйствительности *нѣтъ*.

Итакъ, откуда происходитъ *нравственная воля*? Для теоріи прирожденнаго нравственнаго чувства рѣшеніе этого вопроса не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій. Согласно съ нею, природа посредствомъ нравственнаго чувства приспособила насъ не только къ *познанію* нравственнаго (*теорія интеллектуальной врожденности*), но и къ *хотѣнію* его (*теорія практической врожденности*). Ангель-хранитель, приставленный къ намъ теоріей врожденности,—т. е. совѣсть, не только *учитъ* насъ тому, что хорошо и дурно, но и *заставляетъ* насъ слѣдовать своимъ указаніямъ. *Хотѣніе* нравственнаго есть только *практическій выводъ изъ знанія* его,—нѣсколько трудный, но постоянно и неумолимо напоминаемый нравственнымъ чувствомъ. Два противоположныхъ

инстинкта вложила въ человѣка природа; человѣческое сердце, подобно парламенту, раздѣлено на двѣ палаты: въ одной помѣщенъ эгоизмъ, въ другой— нравственное чувство. Человѣкъ, такимъ образомъ, по самой природѣ своей *двойственъ*,—отчего я и называю эту теорію *психологической двупалатной системой*.

По моему мнѣнію, человѣческая воля *едина*. Въ томъ видѣ, въ какомъ она съ самаго начала была создана природой и въ какомъ ежедневно проявляется снова, она имѣетъ исключительной цѣлью сохраненіе и обоснованіе *собственного я* (инстинктъ самосохраненія),—другими словами, она есть не что иное, какъ неприкрашенный, черствый *эгоизмъ*, вложенный въ человѣка природой. Только *исторія* создаетъ изъ этого эгоизма моральную склонность. Какъ вода по твердому камню, нравственные начала скользятъ по поверхности *естественной* воли, не оставляя по себѣ никакого слѣда. Интеллектъ и воля человѣка не приносятъ съ собой никакой восприимчивости къ морали, вся мораль—какъ знаніе, такъ и хотѣніе ея—есть продуктъ *исторіи*, исторической жизни, *общества*. Метаморфоза, которая должна была произойти втеченіе историко-общественнаго развитія въ *естественной* человѣческой волѣ для того, чтобы сдѣлать ее способной къ воспріятію морали, была не меньше той, которая произошла со скалою, сначала вывѣтрившеюся подъ постояннымъ воздействием атмосферы и лишь затѣмъ одѣвшеюся мхомъ, травою, кустами и деревьями. Тысячелѣтія должны были пройти для того, чтобы совершилась такая метаморфоза. Прежде чѣмъ на скалахъ поднимется лѣсъ, какъ послѣдняя фаза развитія, растительность должна пройти всѣ предыдущія ступени, на-

чиная съ самаго жалкаго мха и кончая деревомъ, для того чтобы улучшить постепенно и въ достаточной степени почву. Тотъ-же самый путь постепеннаго развитія должна была пройти мораль; она должна была начать съ самаго грубаго: съ запрета убійства, грабежа и кражи, и то въ началѣ только по отношенію къ сородичамъ, для того чтобы затѣмъ лишь постепенно подняться къ высшимъ формамъ и образованіямъ, ибо все—какъ самое малое, такъ и самое великое—должна была исторія отвоевать у эгоизма.

Я не могу теперь заняться изложеніемъ процесса историческаго возвышенія эгоизма къ нравственному чувству, но въ немъ и заключается собственно *теорія нравственной воли*. Я замѣчу только что это возвышеніе является величайшимъ подвигомъ исторіи, или человѣчества, что съ этимъ подвигомъ не можетъ сравниться никакой другой. При всѣхъ другихъ подвигахъ, созданныхъ человѣческимъ духомъ втеченіе тысячелѣтій, конечный моментъ прогрессивнаго движенія лежитъ на одной и той-же линіи съ отправнымъ моментомъ его: только матерія присоединяется къ матеріи и, такимъ образомъ, существуетъ прогрессъ въ *количественномъ*, но не *качественномъ* отношеніи. Но при историческомъ возвышеніи эгоизма къ морали, конечный моментъ прогрессивнаго движенія является діаметральной антитезой отправному моменту его: эгоизмъ превращается въ прямую свою *противоположность*, онъ *отрицаетъ* себя самого. Происшедшая здѣсь перемѣна имѣетъ *качественный* характеръ; исторія образуетъ изъ муки тѣсто, изъ *естественнаго* человѣка, т. е. *животнаго*, существо высшаго порядка, — т. е.

морального человѣка; эгоизмъ—продуктъ природы, *моральный* человѣкъ—продуктъ исторіи.

Средствомъ которымъ пользуется исторія, создавая своего человѣка, является *общество*. Оно служитъ источникомъ всего нравственнаго,—какъ основныхъ нравственныхъ положеній, нормъ, такъ и нравственной воли, нравственной склонности. Всею своею моралью,—какъ знаніемъ ея, т. е. нравственнымъ *чувствомъ*, такъ и хотѣніемъ ея, т. е. нравственной *склонностью*—человѣкъ обязанъ обществу: ему принадлежитъ заслуга, оно несетъ отвѣтственность за индивидуальную мораль.

Изъ сказаннаго ясно, что общество оказывается центромъ всего нашего этического міровоззрѣнія. Всѣ три вышеназванныхъ кардинальныхъ вопроса этики приводятъ насъ къ обществу. Что является *источникомъ* нравственныхъ нормъ? *Общество*. Что является *целью* ихъ? *Общество*. Чѣмъ создается нравственная *воля*? *Обществомъ*.

Въ виду этого я и называю защищаемую мною теорію *общественной*. Въ такой полнотѣ,—т. е. въ примѣненіи ко всѣмъ тремъ вопросамъ—эта теорія никѣмъ еще не была выставлена.

Къ предикату: „общественная“ я прибавляю, однако, еще другой: „*историческая*“, и, такимъ образомъ, полнымъ названіемъ моей теоріи будетъ *историко-общественная* теорія морали.

На этомъ второмъ, т. е. историческомъ моментѣ я хочу остановиться нѣсколько подробнѣе.

Основною чертой господствующаго еще въ настоящее время метода изученія этики (при чемъ я имѣю въ виду, прежде всего, философскій методъ; о теологическомъ я выскажусь нѣсколько дальше) является его *неисторическій характеръ*. Въ

этомъ пунктѣ, насколько мнѣ извѣстно, сходятся всѣ этическія теоріи и воззрѣнія; я, по крайней мѣрѣ, не знаю ни одной теоріи, которая въ области этики отдала-бы должное исторіи. Наоборотъ, всѣмъ имъ присуща идея *абсолютнаго*, т. е. независимаго отъ времени и мѣста, или, другими словами, отъ исторіи, характера нравственныхъ истинъ. Историческая теорія морали покоится на признаніи *относительности* нравственныхъ началъ, на признаніи того факта, что не *истинность* (Wahrheit), но *правильность* (Richtigkeit) т. е. соотвѣтствіе практическимъ цѣлямъ жизни, служитъ масштабомъ морали. Признавая зависимость морали отъ данной степени развитія общества, историческая теорія дѣлаетъ возможнымъ правильное пониманіе всѣхъ фазисовъ развитія морали; она признаетъ полную нравственную, т. е. общественную правомѣрность воззрѣній и порядковъ прошлаго культурнаго періода, заклеянныхъ современнымъ нашимъ воззрѣніемъ на мораль, какъ напримѣръ, безправія иностранцевъ. Дитя не вынесетъ бремени, которое подъ силу взрослому человѣку; народъ въ періодѣ дѣтства не вынесетъ нравственнаго закона болѣе поздняго времени. Выставитъ абсолютный канонъ морали—нисколько не лучше, чѣмъ признать послѣднюю фазу развитія въ растительной жизни, плодъ, единственно необходимой и допустимой фазой: каждая фаза необходима, ибо безъ нея была-бы невозможна слѣдующая. То-же справедливо и относительно морали. Можно говорить только о *правильности* нравственныхъ положеній; *истина* заключается лишь въ одномъ—въ исторической *последовательности*. *Развитіе*, вотъ *истина*.

Необходимый выводъ изъ такого воззрѣнія заключается въ признаніи, что тотъ-же самый про-

грессъ въ нравственныхъ понятіяхъ народовъ, который мы видѣли до сихъ поръ, будетъ продолжаться и впослѣдствіи, что позднѣйшее время—спустя, наприимѣръ, тысячу лѣтъ—будетъ смотрѣть на наши учрежденія и нравственныя идеи съ такимъ же презрительнымъ удивленіемъ, съ какимъ мы смотримъ на учрежденія и идеи прежнихъ культурныхъ періодовъ. Насъ, людей XIX-го вѣка, ждетъ таже участь, какая постигла Платона и Аристотеля относительно ихъ ученія о правомѣрности рабства. Мы такъ-же слѣпы въ сужденіяхъ о нашихъ учрежденіяхъ, которыми окружила насъ современная жизнь и къ которымъ приспособились наши взгляды, какъ они были слѣпы въ сужденіяхъ о своихъ. Мы начинаемъ прозрѣвать лишь тогда, когда, путемъ насильственныхъ переворотовъ, вызванныхъ непреодолимой силой тяжелыхъ общественныхъ *неурядицъ, реальный міръ* измѣняетъ свой характеръ. Для того, чтобы освободить насъ отъ повязокъ, мѣшающихъ намъ видѣть, на помощь *размысленію* должно прійти *страданіе*. И тогда, если къ тому времени челоувѣчество еще будетъ вѣрить во врожденную моральную истину, или во врожденную моральную познавательную способность, придутъ философы и станутъ доказывать, что этотъ новый порядокъ вещей *съ необходимостью* вытекаетъ изъ „*разума*“, что его приносить съ собою „*идея*“ и т. д., и т. д.. Послѣ того, какъ исторія откроетъ свою тайну, не трудно придумать содержаніе „*идеи*“, или „*разума*“. Не требуется особеннаго искусства для того, чтобы, увидѣвъ картину, закрыть глаза и затѣмъ „*изъ себя самого*“ репродуцировать ея содержаніе, — но пусть кто нибудь попробуетъ это сдѣлать, прежде чѣмъ онъ увидитъ картину.

Выше я называлъ господствующій методъ изслѣдованій въ области этики *неисторическимъ*; теперь къ этой отрицательной характеристикѣ я хочу присоединить положительную, которую, мнѣ кажется, также можно выразить однимъ словомъ, а именно, назвавъ этотъ методъ *психологическимъ*. Такимъ образомъ, я надѣюсь, мнѣ удалось указать настоящее мѣсто, занимаемое теперешней философскою этикой въ общей системѣ наукъ. Если человѣческая душа является мѣстонахожденіемъ и источникомъ морали, если изслѣдователь долженъ только заглянуть во внутренній міръ человѣка, для того чтобы извлечь оттуда все содержаніе морали, въ такомъ случаѣ этика образуетъ только вѣтвь психологій, ея практическую сторону: прикладную психологію. Она стоитъ на одной линіи съ логикой; объектомъ одной служитъ человѣческая *душа*, объектомъ другой—человѣческій *разумъ*; одна изслѣдуетъ врожденные человѣку законы *мышленія*, другая—врожденные законы *поведенія*; и та, и другая заимствуютъ всѣ свои знанія изъ *природы* человѣка.

Отъ этой психологической и, вслѣдствіе этого, необходимо анти-исторической теоріи этики слѣдуетъ отличать другую, признающую въ ограниченномъ размѣрѣ значеніе исторіи, но имѣющую также *безусловно-абсолютный характеръ*. Я имѣю въ виду *теологическую* теорію.

Охарактеризованная выше философская метода этики является отраслью *психологій* и родною сестрой *логики*; теологическая теорія не что иное, какъ отрасль *теологій* и сестра *догматики*; защищаемая нами, третья, т. е. историко-общественная теорія должна быть признана отраслью *обществовѣднія*. Ея сестрами будутъ всѣ тѣ дисциплины, которыя вмѣстѣ

съ нею стоятъ на реальномъ основаніи историко-общественнаго опыта,—т. е. юриспруденція, статистика, политическая экономія и политика.

Поэтому представителю всѣхъ этихъ наукъ открытъ доступъ къ этикѣ и предоставлена возможность не только обогатить ея содержаніе цѣнными вкладами изъ сокровищницы его спеціальнаго знанія, но и содѣйствовать ея развитію тѣмъ своеобразнымъ складомъ ума, который выработанъ въ немъ его спеціальной наукой.

Вотъ почему я и пытаюсь достигнуть этихъ результатовъ, подходя къ этикѣ со стороны юриспруденціи. И если мой опытъ окажется удачнымъ, то этимъ я буду, главнымъ образомъ, обязанъ тому обстоятельству, что я приблизился къ этикѣ со стороны, показавшей мнѣ вещи съ самаго начала подъ другой точкой зрѣнія, нежели специалисту-философу, — а именно, съ практической точки зрѣнія цѣли. И для науки далеко не безразлично, съ какой стороны подойти къ ней: съ одной болѣе открываетъ одна, съ другой—другая сторона предмета; чтобы получить полное знаніе его, нужно сперва изслѣдовать его со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія.

Число наукъ, имѣющихъ вспомогательное значеніе при изученіи этики, не ограничивается однако перечисленными; я самъ былъ въ состояніи воспользоваться еще и другими для этой цѣли. Я имѣю въ виду, прежде всего, *языкознаніе*, огромное значеніе котораго для выясненія этическихъ истинъ указано мною въ другомъ мѣстѣ. Затѣмъ, такое-же значеніе принадлежит *миѳологій*. Наряду съ этимологіей, она можетъ служить древнѣйшей и досто-вѣрнѣйшей свидѣтельницацей первоначальныхъ нрав-

ственныхъ возрѣній народовъ; и та, и другая вмѣстѣ могутъ быть названы *палеонтологіей этики*. Въ дѣйствіяхъ боговъ, въ томъ, что они себѣ позволяютъ и могутъ себѣ позволить, не лишаясь во мнѣніи народа права на всеобщее уваженіе,—сохраненъ для насъ древнѣйшій взглядъ человѣчества на нравственно-дозволенное; въ мифологіи отражается нравственный канонъ, боги являются окаменѣлыми типами нравственнаго человѣка первобытныхъ временъ. Совершенно въ другомъ отношеніи оказываетъ этикѣ большія услуги еще и другая прикладная наука,— а именно, *педагогика*.

Этика будущаго,—реалистическая и историческая этика въ противоположность абстрактной, психологической, неисторической — основывается на совмѣстномъ содѣйствіи всѣхъ этихъ дисциплинъ. Она воспользуется всѣми ими, отъ каждой изъ нихъ возьметъ то, что та въ состояніи дать. Большинству изъ нихъ она съ избыткомъ возвратитъ полученное,—и, такимъ образомъ, между ними установится отношеніе обмѣна, равно полезнаго для всѣхъ. Я долженъ теперь отказаться отъ болѣе подробнаго развитія этой мысли, но не могу не выразить своего убѣжденія, что во всѣхъ тѣхъ наукахъ, которыя имѣютъ *практическое* отношеніе къ этикѣ, какъ напримѣръ, въ юриспруденціи, статистикѣ, политической экономіи, политикѣ, педагогикѣ, та сторона, которою онѣ соприкасаются съ этикой, получатъ совершенно иное, новое развитіе и значеніе. Хорошій примѣръ этому уже подала политическая экономія, признавшая экономическую цѣнность нравственной силы, а также статистика, связавшая число, грубый результатъ дѣйствительности, съ тѣми общественными порядками, въ которыхъ оно нахо-

дить послѣднее основаніе свое; статистическія цыфры указываютъ не только на голые факты; онѣ являются практическими нравственными требованіями, обращенными къ обществу, образуютъ соціальную долговую книгу его. И для юриспруденціи будущаго отъ ближайшаго соприкосновенія съ этикой, котораго она до сихъ поръ такъ тщательно избѣгала, жду я новаго развитія, не столько теоретическаго, сколько — что гораздо болѣе важно — практическаго, — развитія правильнаго пониманія важнѣйшихъ задачъ, поставленныхъ ей обществомъ; юристъ пойметъ, что его задача должна быть сравниваема не съ задачей *математика*, который долженъ только правильно *считать*, для того чтобы правильно *рѣшать*, но съ задачей *воспитателя*, которому ввѣрена *сила* съ тѣмъ, чтобы онъ ее цѣлесообразно примѣнялъ.

Послѣ того какъ этика будущаго рѣшить эмпирическую часть задачи при помощи новаго, доставленнаго родственными науками, *материала* и благодаря примѣненію эмпирически-историческаго, свободнаго отъ предвзятыхъ *идей*, *метода* разсматривающаго явленія нравственнаго міра такъ же безпристрастно, какъ естествоиспытатель естественныя явленія, — послѣ этого она можетъ призвать спеціалиста философа, чтобы онъ по своему вывелъ сумму цѣлаго и увѣнчалъ, такимъ образомъ, дѣло.

Но всѣмъ этимъ еще не ограничится та радикальная переменѣна, которая предстоить этикѣ будущаго. Намѣченный выше прогрессъ движется въ тѣхъ самыхъ границахъ, чрезъ которыя до сихъ поръ не переступала этика, — въ границахъ *познанія* морали. Не *цѣль* ея, а только путь къ цѣли ука-

занъ другой. Но дѣло въ томъ, что и сама цѣль сдѣлается выше.

Во всѣхъ практическихъ областяхъ человѣческаго знанія *теоретическое познание* существующаго есть только первый шагъ; вторымъ является *практическое примѣненіе* его къ цѣлямъ жизни. Послѣ того какъ теорія укажетъ, *что* есть и *почему* оно есть, ей предстоитъ еще отвѣтить на вопросъ: *должно-ли* быть то, что есть, и, если нѣтъ, въ чемъ должна заключаться перемѣна. Только тотъ обладаетъ правильнымъ познаніемъ, кто въ состояніи отвѣтить на эти оба вопроса.

До тѣхъ поръ, пока этика послѣдней, абсолютной инстанціей признаетъ авторитетъ нравственнаго чувства, она связана его категоричными велѣніями. Единственная предоставленная ей возможность критическаго сужденія заключается въ томъ, что отличныя отъ ея нравственнаго канона моральныя идеи, встрѣчающіяся на нисшихъ культурныхъ ступеняхъ она объявляетъ просто моральными заблужденіями. Свой собственный нравственный канонъ, *абсолютные*, будто-бы, законы *человѣческаго поведенія*, этика точно такъ-же не можетъ подвергнуть критикѣ, какъ и законы *человѣческаго мышленія*: они существуютъ,—и этимъ сказано все. Съ этой точки зрѣнія всякій, кто не признаетъ существующихъ законовъ поведенія, можетъ быть обвиненъ въ нравственной слѣпотѣ, въ одичалости совершенно такъ-же, какъ можно упрекнуть въ нелогичномъ мышленіи того, кто не признаетъ законовъ мысли.

Относительный масштаб нравственнаго, установленный исторической этикой, дѣлаетъ возможнымъ не только, какъ выше указано, вѣрное обсужденіе

и справедливую оцѣнку своеобразныхъ формъ морали, принадлежащихъ къ прежнимъ ступенямъ развитія, но также, что несравненно важнѣе, и критику нашихъ *собственныхъ* нравственныхъ представлений. Если общественное благо является руководящимъ моментомъ всѣхъ нравственныхъ положеній, въ такомъ случаѣ, мы имѣемъ въ рукахъ масштабъ для измѣренія и испытанія нашихъ представлений и существующихъ общественныхъ учреждений, мы имѣемъ возможность освободиться отъ тѣхъ изъ нихъ, которыя не выдержатъ пробы, и доказать необходимость тѣхъ, которыя выдержатъ ее, тогда какъ до настоящаго времени мы должны были слѣпо принимать и тѣ и другія, повинуясь авторитету безапелляціонной инстанціи нашего нравственнаго чувства. На мѣсто *категоричнаго величія безконтрольной* величины, которая въ дѣйствительности есть не что иное, какъ самый крайній *субъективизмъ*, одинаково присущій дикарю и намъ, выступаетъ *объективная выводимость* (Deducirbarkeit) нравственныхъ нормъ, мотивированность и практическая необходимость ихъ. Такимъ образомъ, этика возвышается до *аполотетики* морали, которой предстать благодарная задача дѣйствительно примирить насъ съ нравственнымъ закономъ, — дѣйствительно, т. е. не посредствомъ заманчиваго утвержденія, будто онъ является нашимъ собственнымъ закономъ, *этикетомъ*, наклееннымъ на необходимое для насъ, исторически добытое содержаніе, а посредствомъ доказательства, что наши нравственныя нормы необходимы для благосостоянія и преуспѣянія общества на той ступени развитія, на которой оно *въ настоящее время* находится. Вмѣсто того, чтобы спрашивать: почему я долженъ дѣйствовать нравст-

венно? отвѣтитъ ссылкой на фатализмъ категорическаго императива: ты долженъ! или невѣрной, не выдерживающей критики причиной: ради своего собственнаго счастья, ради своего самоусовершенствованія, этика будущаго указываетъ на общество: подумай, что съ нимъ будетъ, если ты будешь поступать безнравственно: ты поколеблешь самыя основы его существованія, ибо каждая нравственная норма есть одинъ изъ устоевъ его.

Критика и апологетика морали, указанная выше, какъ задача этики будущаго, имѣютъ своимъ предметомъ *объективно*—нравственное, т. е. правильное, научное изслѣдованіе нравственныхъ нормъ. Но, кромѣ того, этикѣ открывается еще другая, для конечной цѣли морали несравненно важнѣйшая и благодарнѣйшая задача относительно *субъективно*—нравственнаго. Послѣ того какъ она возвысилась до той истины, что нравственная воля, какъ индивиду, такъ и цѣлаго народа, является историко-общественнымъ продуктомъ; послѣ того какъ она выяснила и указала тѣ побудительныя силы, которыя воспитываютъ волю къ морали, то вліяніе разнообразныхъ факторовъ общественной жизни, которое содѣйствуетъ этой цѣли,—послѣ всего этого ей остается только обратиться къ жизни съ полученной такимъ образомъ исторіей образованія человѣческой воли, для того чтобы сослужить человѣчеству службу, для которой ничего себѣ нельзя представить. Подобно тому какъ изслѣдованіе жизненныхъ условий животныхъ и растений даетъ наукѣ возможность, искусственно создавая требуемыя жизненные условія, культивировать въ оранжереяхъ сѣвера пальмы, растущія на югѣ и разводять въ аквариумахъ континента животныхъ, населяющихъ

моря, точно такъ же изслѣдованіе образовательнаго процесса нравственной воли даетъ этикѣ возможность искусственнаго воспитанія нравственной воли. Знакомство съ источниками нравственнаго духа путемъ теоретическихъ изслѣдованій даетъ практикѣ возможность все болѣе и болѣе овладѣвать самымъ этимъ духомъ, стараясь охранять, развивать, усиливать источники его.

Рѣшивъ эту задачу, этика изъ простой науки превратится въ искусство, отрасль,—и къ тому важнѣйшую отрасль *соціальной политики: національную педагогику*. Въ этомъ, по моему убѣжденію, заключается высокая и возвышающая задача этики будущаго. Человѣкъ, который овладѣлъ животнымъ и растеніемъ, замѣнивъ произвольный ростъ природы искусственной культивировкой, проявитъ и надъ человѣческой волей свое искусство и силу своего духа; онъ съумѣетъ, посредствомъ примѣненія всѣхъ средствъ, которыя даетъ ему теорія общественнаго образованія, достигнуть общественной культивировки воли въ такой степени, о которой наше время, безусловно отказавшееся отъ тѣхъ нравственно-образовательныхъ факторовъ, какими располагало прошедшее, и провозгласившее устами своего извѣстнѣйшаго философа (Шопенгауэра) принципъ неподатливости и твердости человѣческой воли, не можетъ себѣ составить представленія. Эту точку зрѣнія, т. е. доказательство *практической* примѣнимости этики, я всегда имѣлъ въ виду при моихъ изслѣдованіяхъ; на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на первыя попытки къ рѣшенію задачи, дѣйствительное рѣшеніе которой предстоить наукѣ будущаго, тому времени, когда этика получитъ значеніе и рангъ, которыя ей присущи и которыя утрачены

ею, благодаря господствовавшему донныѣ ложному методу: значеніе *практической*, прикладной науки, — и къ тому *важнѣйшей* прикладной науки, *царицы* всѣхъ общественныхъ наукъ. Отбросивъ унаслѣдованную идею абсолютной истины и спустившись съ облаковъ спекуляціи на землю, этика избересть театромъ своей будущей дѣятельности твердую почву реальной дѣйствительности; этимъ она сдѣлаеть для себя самой возможнымъ правильное пониманіе морали, пониманіе того, какъ мораль возникаетъ и растетъ въ общественной жизни; тогда, вмѣсто того, чтобы предлагать человѣку абстрактный, принаровленный ко всѣмъ временамъ императивъ, зеркало его совершенства, которое, будучи отшлифовано согласно требованіямъ *дѣйствительности*, отражаетъ *прошлое* въ извращенномъ видѣ, этика поможетъ ему превозмочь трудности долгаго, предначертаннаго ему пути, не только *укажетъ* ему цѣль, но будетъ и содѣйствовать *достиженію* ея.

0-05

МЕЖДУНАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА.

- № 1. Ферд. Брюнетьеръ. Источники пессимизма. 3-е изд.
- № 2. I. Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. 3-е изд.
- № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 лѣтъ 3-е изд.
- № 4. Леметръ. Этюды о русскихъ писателяхъ.-Достоевскій — Островскій. 2-е изд.
- № 5. А. Шенбахъ Государственный строй С.-Ам. Соед. Штатовъ. 2-ое изд.
- № 7. Шарль Рише. Геніальность и помѣшательство. 2-е изд.
- № 12. Г. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. 2-ое изд.
- № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существованіе. 2-ое изд.
- № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчины и женщины и ея фізіологическія основанія. 2-ое изд.
- № 18. А. Шопенгауеръ. О возрастахъ человѣка.
- № 19. По Лабанду. Государственный строй Германской Имперіи.
- № 20. Г. Шенбергъ. Новая политическая экономія.
- № 21. А. Бине. Механизмъ мышленія.
- № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма.
- № 23. Г. Рюмолинъ. Что такое социальный законъ
- № 24. Ф. Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія.
- № 25. Ш. Фере. Настѣдственность болѣзненнаго помѣшательства.
- № 26. К. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе.
- № 27. Г. Меркель. Сила и право.
- № 28. А. Гацфельдтъ. Основы литературной критики.
- № 29. По А. Лебону. Государственный строй Франціи.
- № 30. Л. Флейшнеръ. Исторія народнаго образованія въ Англіи.
- № 31. I. Мебіусъ. Нервная система человѣка.
- № 32. Г. Брандесъ. Эмиль Золя.
- № 33. Г. Спенсеръ. О нравственномъ воспитаніи.
- № 34. А. Фулье. Характеръ расъ и будущность бѣлой расы.
- № 35. Ш. Летурно. Прошедшее и будущее литературы.
- № 36. Р. Герингъ. Борьба за право.
- № 37. Р. Вирховъ. Цѣлительныя силы организма.
- № 38. М. Гюйо. Принципъ искусства и поэзіи.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- Лазарусъ. Взаимодѣйствіе души и тѣла.
- Мебіусъ. Болѣзни нервной системы.
- Паульсенъ. Основанія и причины пессимизма.
- Цѣна №—15 к., № 16—17 и 36 по 25 к. №№ 24, 33 и 35 по 20 к.
За пересылку прилагается 5 к. съ №.

Складъ изданій: С.-Петербургъ, Пушкинская, 18.

II-36753p.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу:

- В. Прейеръ.—*О сохраненіи здоровья и о продолженіи жизни.*—Цѣна 50 к.
- О. Элерсъ.—*Популярная политическая экономія.*
Цѣна 50 к.
- В. Вундтъ.—*Душа и мозгъ.* Цѣна 20 к.
- Г. Гижицкій.—*Основы морали.* Цѣна 60 к.
- Г. Лебонъ.—*Эволюція цивилизацій.* Цѣна 50 к.
- Новѣйшая исторія Франціи.* (1871—95). Ц. 25 к.
- Новѣйшая исторія Германіи.* (1866—95) Ц. 20 к.
- Новѣйшая исторія Англии.* (1867—95) Ц. 20 к.
- Ф. Листъ.—*Наказаніе и его цѣли.* Цѣна 25 к.

Э. Экштейнъ. *Въ Карцеръ. Юмористическій очеркъ. Переводъ съ 54 нѣмецкаго изданія. Съ 7 рисунками.*—Цѣна 15 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ:
С.-Петербургъ, Пушкинская, 18.